

находится в девятибалльной зоне. «Соответствующие предложения были переданы в Академию наук СССР, в правительство в конце 1985 г. В 1986 г. Совет Министров СССР издал распоряжение – первое такого рода в нашей стране – о заблаговременном укреплении зданий Петропавловска-Камчатского и других населенных пунктов Восточной Камчатки» (с. 103). Столь же важным успехом ученых института было то, что они добились отмены строительства на Камчатке атомной электростанции, поскольку ее собирались возвести в районе, крайне неблагоприятном в сейсмическом отношении.

К числу важнейших научных достижений Института вулканологии относятся «выдающиеся результаты изучения предсказанного сейсмометодами уникального Толбачинского извержения 1975–1976 гг., позволившего проводить в течение длительного времени систематические наблюдения над рождением, ростом и развитием, в конечном итоге до затухания, группы вулканических конусов; благодаря объединению усилий всего коллектива сотрудников институт подготовил фундаментального значения основу мирового класса для разработки общей вулканической теории» (с. 58).

Институт осуществлял необычайно широкий комплекс исследований современных геодинамических процессов в наиболее активной зоне нашей

планеты, включая высокоточные геодезические измерения и изучение гидротермальных процессов, как на суше, так и на подводном склоне глубоководного желоба, со специально оборудованного для этого научного судна. Научные достижения Института вулканологии РАН были по достоинству оценены как Президиумом АН СССР, так и мировым сообществом. Как отмечает автор: «По ряду разделов исследований институт является ведущим в мире, а именно в области изучения глубинного строения вулканических областей, питающих каналов и магматических очагов вулканов; эффективного долгосрочного и пробного краткосрочного прогноза землетрясений; изучения процессов современного рудообразования, металлоносности гидротерм» (с. 56).

К сожалению, заключительные публикации в книге С. А. Федотова оставляют горький осадок. В них автор сообщает, что в последнее десятилетие финансирование научных исследований на Камчатке сократилось более чем в 10 раз. Это привело к свертыванию уникальных исследований, сокращению научных сотрудников, малочисленности молодых исследователей, а также к «угрожающему старению коллективов, в которых средний возраст кандидатов и докторов наук – пенсионный» (с. 177).

И. А. Резанов

Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура. XVIII – начало XX вв. Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. СПб.: РХГИ, 2003. 548 с.

Сотрудники Института истории естествознания и техники РАН В. А. Волков и М. В. Куликова реализуют амбициозный проект: дать полный и всесторонний портрет того слоя отечественной интеллигенции, которому в Российской империи принадлежала

основная роль не только в подготовке кадров, но и в развитии науки, – российской профессуры. Пока увидел свет только первый том, охватывающий биологические и медико-биологические науки. За ним должны последовать и другие, посвященные химии, физике и

т. д. Уникальность этого проекта в том, что все существующие до сих пор биографические лексиконы или содержат сведения только о некоторых профессорах, внесших наибольший вклад в науку, или посвящены ученым отдельных вузов. Большей частью биографические университетские справочники изданы до 1917 г. и потому малодоступны, а содержащаяся в них информация требует дополнений и уточнений. Всего в рецензируемый том вошли биографии более 750 профессоров, которые в университетах, медицинских академиях, ветеринарных и сельскохозяйственных институтах возглавляли кафедры по всему комплексу биологических наук, а также теоретических (не клинических) медицинских дисциплин. Среди персонажей нового словаря встречаются имена, не известные массовому читателю. И это не случайно.

Трагически сложились судьбы старейшей – досоветской – профессуры после 1917 г. Многие стали политическими эмигрантами, другие погибли в междоусобной бойне, застенках советской тайной полиции. Долгие десятилетия даже упоминать о них было запрещено. И только сейчас их биографии смогли попасть в словарь: в нем свыше 50 биографий эмигрантов и репрессированных.

К достоинством словаря следует отнести то, что его авторы широко использовали многочисленные архивные материалы. Это позволило им уточнить или документально подтвердить, а зачастую и обнаружить многие факты из жизни российских профессоров. Словарные статьи снабжены перечнем использованных неопубликованных архивных документов – это личные дела, формулярные (послужные) списки, автобиографии, отчеты о заграничных командировках, рукописи научных трудов, переписка, фотографии и т. д.

Типовая структура статей определяется справочно-биографическим ха-

рактером словаря. Жизнеописание героя излагается в хронологической последовательности. При этом для каждого – за редким исключением – указаны не только год, но и день и месяц, а также место рождения и кончины. Эти сведения приводятся чаще всего по метрическому свидетельству о рождении и крещении, из студенческого дела будущего профессора. При этом надо учесть, что в православных метриках, как правило, отмечалось только место крещения, а не место рождения, и отсюда возможные противоречия в источниках. Например, в словаре помещена биография бактериолога и терапевта профессора Федора Васильевича Вербицкого (1881–1971, Аргентина). В его метрике записано (с этим документом и мне довелось ознакомиться), что он родился 9 апреля, а 14 апреля был крещен в Тиницкой Свято-Покровской церкви, где священником был его отец. Однако в своей автобиографии местом рождения сам Вербицкий называет г. Борзну. И действительно, не исключено, что он родился в уездном городе Борзне, а в течение последующих пяти суток его привезли домой – в село Тиница, где и крестили в местном храме. В этом и других подобных случаях авторам приходилось проводить скрупулезный анализ всех доступных источников, зачастую противоречащих друг другу.

Из словаря мы узнаем, что профессора Российской империи были выходцами из самых разных слоев общества – из дворян, лиц духовного звания, купцов, казаков, мещан и даже крестьян. Бросается в глаза любопытный факт: большую долю среди профессоров составляли дети священнослужителей (113 из 765). Начальное и среднее образование будущие профессора в большинстве случаев получали в гимназиях, реальных училищах и духовных семинариях.

Словарь позволяет реконструировать типичный жизненный путь рос-

сийского профессора до революции. Так, после получения диплома подающего надежды молодого специалиста оставляли при университете «для приготовления к профессорскому званию» – обычно на два года, иногда на три, редко – на год. За это время будущий профессор должен был подготовить самостоятельную научную работу, подтверждающую его квалификацию, – магистерскую диссертацию (для медиков – диссертацию на степень доктора медицины). Очень часто для совершенствования образования «профессорских стипендиатов» (во время такой «аспирантуры» они получали стипендию от государства) командировали «с научной целью» за границу – упоминания о научных зарубежных командировках мы встречаем почти в каждой биографии, это было самой обычной практикой. За границей россияне слушали лекции крупнейших ученых, стажировались в самых известных лабораториях, посещали лучшие европейские университеты, знакомясь с постановкой преподавания в них.

Такая командировка обычно продолжалась два, иногда три года или больше. В XVIII в. за границей получали и ученые степени. Например, питомец Московского университета С. Г. Зыбелин (1735–1802) в 1764 г. в Лейденском университете получил степень доктора медицины, а вернувшись на родину, стал профессором в своей alma mater – первым в России профессором теоретической медицины.

Из провинциальных университетов – Харьковского, Казанского – иногда посылали для усовершенствования в столичные Медико-хирургическую академию или университет. Например, в 1829 г. «репетитор-фармаколог» Казанского университета Д. И. Протопопов (1806–1857) был командирован в Петербургскую МХА, там подготовил и в 1832 г. защитил докторскую диссертацию. После этого он вернулся в Казань, где стал профессором.

Некоторые будущие профессора российских вузов прошли через Дерптский профессорский институт, состоявший при Дерптском (ныне Тартуском) университете. В этот институт их посылали после получения диплома, в Дерпте они защищали магистерские или докторские диссертации, а затем отправлялись для дальнейшего усовершенствования за границу. Последующая карьера также прослеживается по словарю: защиты диссертаций (с их названиями, чего обычно в подобных словарях не бывает); обстоятельства получения званий приват-доцента, доцента, экстраординарного, ординарного и заслуженного профессора и т. п.; краткая характеристика научного вклада, преподавательской и общественной деятельности; упоминания о любопытных подробностях частной жизни (например, о «ненаучных» талантах и родственных связях).

По данным, приведенным в словаре, можно дать собирательный портрет профессора Российской империи – биолога или медика. На наш взгляд, типична биография, например, отечественного физиолога Ивана Петровича Павлова (1849–1936).

В самом деле, Иван Петрович как раз из семьи священника, что вполне соответствует общей тенденции. Среднее образование он получил в семинарии, где для детей священников обучение было бесплатным. За высшим образованием Иван Павлов отправился в столицу империи, где окончил сначала университет а затем Медико-хирургическую (впоследствии – Военно-медицинскую) академию. За высшее образование – благодарность родителям: «А подо всем – всегдашнее спасибо отцу с матерью, – писал он позднее, – приучившим меня к простой, очень невзыскательной жизни и давшим возможность получить высшее образование».

Жизненный путь Павлова типичен

и в том, что для подготовки докторской диссертации он был по конкурсу оставлен при Петербургской медико-хирургической академии для трехгодичного усовершенствования. Этого времени ему хватило, чтобы подготовить и защитить диссертацию.

После защиты Павлова так же, как и многих других, командировали на два года за границу (1884–1886). «Заграничное путешествие дорого было для меня главным образом тем, – писал он впоследствии, – что познакомило меня с типом ученых работников, каковы Гейденгайн и Людвиг, всю жизнь, все радости и горе ее положивших в науку и ни в чем другом».

Вернувшись на родину, Павлов получил кафедру фармакологии в Военно-медицинской академии (1890). И в этом его судьба оказалась типичной для профессора Российской империи.

Насколько эффективна была сложившаяся система? Об этом сейчас трудно судить. Но до XVIII в. в России не было ни научных институтов, ни профессиональных ученых. Прошло полтора столетия, и типичный российский профессор И. П. Павлов получил одну из первых Нобелевских премий – премию 1904 г. по физиологии и медицине. А это о чем-то говорит!

К. К. Васильев

Илизаров С. С., Валькова О. А., Мокрова М. В. История науки и техники в Москве (учебно-методические материалы). М.: Янус-К, 2003. 280 с.

Эта книга – результат проекта, профинансированного правительством Москвы и имевшего своей целью разработку учебно-методических материалов для курса истории науки и техники в Москве для системы профессионального образования. Она содержит программы учебных курсов «История науки и техники в Москве», «Источники по истории науки и техники в Москве», «Устная история науки и техники в Москве», а также методические материалы по устной истории науки и техники в Москве. Потенциальная аудитория – учителя, краеведы, преподаватели вузов, студенты и аспиранты, историки науки и техники. Как мы видим, круг предполагаемых читателей весьма широк, однако, по мнению автора рецензии, на этот труд стоит обратить внимание в первую очередь именно профессиональным историкам науки и техники, начинающим и состоявшимся. Для первых (несмотря на свой «географически ограниченный» предмет) она может служить хорошим введением в специальность, для вторых – ценным справочником.

Первый раздел-программа – «История науки и техники в Москве» – в книге и самый большой. Он, как и остальные, построен по модульному принципу: как собрание отдельных тем-глав (всего их 11), каждая из которых может быть рассмотрена более-менее независимо от других. Работая над этим разделом, авторы исходили из убеждения, что «на первом этапе необходимо разработать методический курс, посвященный развитию не только чисто научного знания, но, прежде всего, истории формирования сети научно-технических учреждений и организаций, истории складывания современного механизма функционирования науки» (с. 6). На этом и сделан акцент: в программе подробно отражены такие темы, как история московских высших учебных заведений, научно-исследовательских организаций и научных обществ, государственная политика в области науки и образования, деятельность АН СССР в Москве, развитие в городе научной периодики и многое другое. Также большое внимание уделено контексту раз-